

Егор Гайдар
директор ИЭП
д.э.н., проф.

Управляемость перемен

ТРУДНОСТИ, ПЕРЕЖИВАЕМЫЕ СЕЙЧАС МИРОВОЙ ЭКОНОМИКОЙ, — ЭТО НОВЫЙ ВЫЗОВ. ОТВЕТ НА НЕГО ПРИДЕТСЯ ИСКАТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНО

Россия создала достаточно эффективные инструменты, обеспечивающие стабильность денежной и финансовой системы. Если действовать грамотно, экономических катастроф в стране не произойдет. Но мир станет более жестким. И поставит перед страной новые, очень сложные задачи.

Источники и составные части

Кризис, переживаемый сейчас мировой экономикой, является далеко не первым в истории.

Специалисты, пытаясь создать базу для анализа, проводят параллели между нынешними кризисными явлениями и наиболее значительными экономическими кризисами XX века — кризисом 1907 года, Великой депрессией. Эти параллели разумны. Но следует учитывать, что обстоятельства с тех пор сильно изменились. Мир 1907 года — это мир золотовалютного стандарта. Мир Великой депрессии — мир крушения золотовалютного стандарта.

Мы живем в другой ситуации: сейчас каркас золотовалютного стандарта, позволявший обеспечивать денежную стабильность, отсутствует, курсы ведущих мировых валют плавают. Как работает эта модель, никто толком не понимает. Никто поэтому не смог спрогнозировать ни мексиканский кри-

зис 1994 года, ни кризис в Юго-Восточной Азии в 1997-1998 годах.

Нынешние трудности — это новый вызов, снова требующий поиска адекватных ответов.

Многие считают причиной нынешних проблем ипотечный кризис в США. Конечно, мягкая денежная политика американских финансовых властей (направленная на то, чтобы сгладить рецессию 2001 года и минимизировать возможные циклические колебания) способствовала накоплению крупных проблем в американской финансовой системе и реальном секторе, создала базу для образования мыльных пузырей. Однако обоснованный ответ на вопрос об истоках нынешнего кризиса требует специального и серьезного анализа, над этим нужно работать.

Следует заметить, что в ИЭП системно анализировали риски устойчивости развития России. Один из сценариев, описанных в докладе 2006 года (самый пессимистический) и тогда же прочитанный на заседании Ученого совета, сейчас реализован с точностью

до цифр. Но это объясняется не наличием дара предвидения. Я убежден в том, что для страны, в существенной степени зависящей от притока и оттока капиталов, от цен на нефть, нефтепродукты, газ и металлы, важна цикличность развития мировой экономики.

Наша оценка рисков стала базой для создания Стабилизационного фонда, накопления золотовалютных резервов. То есть нам удалось извлечь уроки из краха советской экономики 1991 года и кризиса 1998 года.

Россия создала достаточно эффективные инструменты, обеспечивающие стабильность денежной и финансовой системы. Главное отличие нынешнего кризиса от прежних кризисов состоит, на мой взгляд, именно в том, что страна к нему подготовилась, создав крупные золотовалютные резервы и Стабилизационный фонд (недавно преобразованный в Резервный фонд и Фонд национального благосостояния). Ни в середине 1980-х годов, ни в 1997 году, когда начался кризис в Юго-Восточной Азии, крупных золотовалютных резервов у нас не было.

Российские власти в последние годы бесконечное количество раз упрекали в том, что они имеют столь большие резервы. Об этом говорили не только популисты. Со мной эту тему неоднократно обсуждали вполне квалифицированные специалисты из МВФ и Всемирного банка. Развитие событий показывает, что российские денежные власти были абсолютно правы, во время благоприятной конъюнктуры мировых цен на нефть создавая резервы, которые сегодня позволяют управлять кризисом.

Трудно, но посылно

Нынешний финансовый кризис затронул значительное количество экономик. Подобный масштаб не может не сказаться на реальном секторе российской экономики: мы ждем замедления темпов роста в нем. Не следует считать подобный прогноз катастрофичным. Американская экономика, которая крайне динамично растет вот уже 200 лет, при этом раз в пять-десять лет радикально замедляется. В России экономика также является рыночной. И в последние десять лет она динамично росла. Если рост замедлится на протяжении ближайших месяцев, есть основания отнестись к этому спокойно.

Экспертные оценки показывают, что выход из кризиса вероятен в четвертом квартале 2009 года. Но я бы не исключал также возможности того, что в России на протяжении ближайших двух лет рост будет нулевым. Это не прогноз, это предположение, что подобного рода сценарий может реализоваться.

Мир в целом также столкнется с периодом более медленного экономического роста по сравнению с тем, что был характерен для 2002-2007 годов. Для российской экономики это будет означать риски долгосрочного снижения цен на металлы. Цены на нефть прогнозировать вообще невозможно, но обычно в подобные периоды цены на нефть в реальном исчислении снижаются. Будет существенное сокращение притока капитала на развивающиеся рынки. В условиях рыночной экономики, обладая существенными золотовалютными резервами, Россия со всем этим может справиться, катастрофы не произойдет. Если действовать грамотно.

Оптимистичный вариант сценария состоит в том, что мы удержим денежную стабильность на фоне снизившихся темпов экономического роста и резко сократившегося притока капитала. Конечно, если будут допущены серьезные экономические и политические ошибки, то развитие событий может быть драматичнее. Но я думаю, что такие ошибки не будут сделаны.

Пока и Минфин, и ЦБ достаточно адекватно реагируют на остроту кризиса.

Другой вопрос, что многие проблемы, которые возникают сегодня, были заложены экономической политикой, проводившейся на протяжении последних лет. Имела место странная комбинация ответственной бюджетной политики, направленной на сокращение долговых обязательств, и крайне либеральной позиции государства по отношению к заимствованиям государственных компаний. Сегодня мы имеем дело с последствиями такой политики. Но к счастью у нас есть резервы, позволяющие добиться того, чтобы за последствия такой инвестиционной стратегии не платили вкладчики крупнейших российских банков. И, разумеется, нельзя продолжать бурно наращивать бюджетные расходы, а также использовать резервный фонд и фонд будущих поколений чрезмерно быстро. Здесь важны именно темпы расходования, а не сама возможность.

Отток капитала и снижение цен на энергоносители создают благоприятный фон для борьбы с инфляцией. Ее снижение возможно с лагом в 6-9 месяцев. Но здесь сталкиваются два противоположных фактора: с одной стороны, снижение притока капитала и

падение цен на нефть приводят к сокращению темпов роста денежной массы, с другой — проблемы в банковской системе требуют от ЦБ мер по ее поддержке. Денежные власти должны найти тонкий баланс между сохранением стабильности банковской системы и снижением инфляции.

Снижение темпов экономического роста означает, что нашей экономике предстоит научиться жить при дорогих деньгах. А среднестатистическому россиянину придется жить в условиях, когда инфляция, вероятно, будет ниже, процентная ставка по его вкладам в реальном исчислении выше, темпы роста реальных доходов — ниже, шансы потерять рабочее место — выше.

Валютный курс, вероятно, изменится тоже, но как именно, трудно прогнозировать. Изменение будет зависеть от того, насколько продолжительным окажется замедление темпов роста в мире. Обычно в случае замедления мирового экономического роста финансовые активы переводятся в ценные бумаги стран, обладающих мировыми резервными валютами. Сейчас резервные валюты — это доллар и евро, резервные валюты второго плана — фунт стерлингов, иена, швейцарский франк. Рубль пока не является мировой резервной валютой.

Крушение прежнего, возможность нового

Кризис — это механизм очищения экономики от неэффективностей. Мир выйдет из кризиса более эффективным, а значит, более жестким. Работа крупнейших транснациональных компаний улучшится, в них будет усовершенствован менеджмент, сократятся издержки, повысится качество продукции. России придется конкурировать с этими усовершенствованными игроками. Такая конкуренция — вызов. Если наши власти и деловые элиты будут правильно реагировать на ситуацию, кризис может сделать отечественную экономику более

конкурентоспособной. В какой степени мы к этому готовы, покажет время.

Одним из последствий кризисной ситуации является то, что она открывает окно возможностей. Кризис 98-го года я и мои коллеги восприняли именно как окно возможностей. Реформы, которые до того не делались по политическим соображениям, в результате кризиса оказались реализованными. Первые три года президентства Владимира Путина были, с точки зрения экономической политики, крайне успешными. Россия сумела провести многие реформы, которые не смогли реализовать европейские страны (хотя эти реформы там тоже обсуждались, включая введение плоской ставки подоходного налога). Наша налоговая реформа, проведенная именно в то время, была радикальной. И она оказалась поразительно успешной, позволила одновременно снизить предельные налоговые ставки и получить существенный рост налогового поступления, что сейчас и обеспечивает устойчивость российской финансовой системы.

В последующие годы темпы реформ резко сократились, это очевидно. Правда, некоторые реформы все же удалось провести. Создан стабилизационный фонд, проведено разделение бюджета (отделен бюджет, связанный с нефтегазовыми доходами, определены их пропорции, размер субсидий). Но, конечно, темпы реформ последние годы существенно замедлились. Сейчас ситуация схожа с началом президентства Путина. Кризис позволяет всерьез работать над программой необходимых для страны реформ, забыв о политических ограничениях. В повестке дня — пенсионная реформа, реформа «Газпрома», ЖКХ, новая волна приватизации, военная реформа, сокращение круга секретных бюджетных статей, гарантии частной собственности, независимость судебной системы. Все это в докризисные времена обсуждалось, но было нереализуемо на практике. Но сегодня расслабленность,

характерная для периода крайне высоких цен на нефть, неуместна.

Ситуации, когда власть может делать все, что угодно, и на фоне 10%-ного роста доходов населения это не имеет политических последствий, больше не будет. Однако, например, проблема безработицы — это, прежде всего, проблема депрессивных регионов: сел и малых городов. Она требует очень серьезного внимания. Решать проблемы бедности, предоставляя разные виды субсидий, малоперспективно. В первую очередь надо увеличивать доходы тех, кто живет в депрессивных регионах. Это значит, что принципиально важно развивать микрокредитование бизнеса. Эту тему активно обсуждают и в Минфине, и в ЦБ, и в Сбербанке, и в ВТБ. На фоне структурных проблем эта тематика будет все в большей степени выходить в центр внимания.

Надеюсь, что кризис отрезвит и российские власти, и элиту, и граждан, и реформы будут продолжены.

Тот процесс беспрецедентного ускорения экономического роста, который мы наблюдаем в мире на протяжении последних, примерно, двухсот лет, неразрывно связан с формированием нового набора институтов, которые получили название «капитализм». Этот набор институтов меняется. Капитализм в том виде, в котором он существовал в начале 19-го века, имеет не так уж много общего с капитализмом в том виде, который он приобрел к началу 21-го века. Тем не менее идеологический базис у них общий. Многократное, по сравнению с предшествующими тысячелетиями, ускорение экономического роста обеспечивается созданием либеральных институтов. Ускорение экономического роста, урбанизация, рост продолжительности жизни, другие факторы, связанные с созданием либеральных институтов, вносят в систему дополнительные элементы нестабильности. Но даже в условиях кризиса стоит помнить, что пока эти институты отсутствовали, никакого среднедушево-

го роста ВВП на протяжении тысячелетий не было.

Не Великая и не депрессия

Если говорить о долгосрочном прогнозе развития мировой экономики, то страны, которые имеют преимущества догоняющего развития, такие как Китай, Индия, Бразилия и Россия, вероятно, будут расти быстрее, чем мировая экономика в целом. Возможно, появятся новые растущие рынки. БРИК — это не закрытый перечень, а самые крупные из развивающихся рынков. Но есть и другие. Например, Южная Африка.

Мировая экономика еще пройдет через кризисы. Надо учитывать, что наиболее распространенный диапазон проявления периодов замедления темпов экономического роста на протяжении последних 200 лет составлял от 5 до 10 лет.

Но «Великую депрессию» прогнозировать нельзя. Это был уникальный случай в мировой экономической истории. По крайней мере, я не берусь сказать, что нынешние трудности мировой экономики обернутся для мира мировой рецессией по стандарту 1929-1933 годов.

Видимая рука государства

Кризис «уточнил» пропорции государственного вмешательства в экономику. Он показал, что государственное регулирование необходимо, но во многих странах приоритеты подобного регулирования были выстроены неточно. Было много ненужного государственного регулирования аграрного сектора, например, которое вредило развитию мирового сельского хозяйства и явилось одним из факторов, который привел к продовольственному кризису последних двух лет. Были, напротив, недостаточно регулируемые секторы. В частности, рынок деривативов.

То, что делают в момент кризиса российские власти, скажем, в банковской системе — это, в общем, правильно. (Хотя определенное количество технических претензий, тем не менее, возникает.)

Меры Центрального банка, связанные с повышением ликвидности банковской системы, дают определенные шансы на восстановление кредитного рынка. Хотя не гарантируют решения этой проблемы: большая ошибка думать, что если деньги даны трем государственным банкам, то проблемы банковской системы тем самым уже решены. Но я думаю, что ситуация в настоящее время уже начала нормализоваться.

Мне представляется правильным и своевременным введение лимита страхования на сумму до 700 тысяч рублей. Ищутся способы решения проблемы внешнего долга, в том числе корпоративного. В общем, многое делается верно, хотя не идеально.

Но самое неразумное из того, что можно сделать потом, — это начать передел банковской системы в пользу друзей государства или самого государства. В результате банковская система получит увечья, несовместимые с нормальной работой, и это достаточно быстро даст еще одну вспышку кризиса.

Государство, кроме того, должно более жестко контролировать частные заимствования. В первую очередь — заимствования государственных компаний, которые неизбежно воспринимаются мировым финансовым рынком как квазигосударственные. Проводить политику, при которой Россия быстро гасит государственный внешний долг (что было абсолютно правильно), и при этом не видеть (или не желать видеть) быстрого роста корпоративной задолженности государственных компаний — значит не видеть угроз устойчивости национальной финансовой системе.

Я уже сказал о том, что мы научились собирать налоги: опыт нашей налоговой реформы широко изучается в мире. Немало стран уже попытались ее повторить. Но мы пока что не научились правильно тратить, не сумели существенно повысить эффективность бюджетных расходов. Собственно,

суть большей части предложений, которая была выработана и одобрена Министерством экономики на рубеже 2003-2004 годов, была связана именно с необходимостью добиться того, что, если государство нормально собирает деньги налогоплательщиков, то ему следует еще научиться их тратить. Научиться финансировать небюджетную сеть, расходовать деньги на приобретение некоего набора нужных и качественных услуг для себя или для граждан. И именно за это платить деньги.

Такие вещи не решаются моментально, система обладает определенной инерцией. Но попытаться в течение ближайших лет (2010, 2011, 2012) изменить систему расходов — это важнейшая стратегическая задача. И сейчас, когда нефтяные доходы уже сократились и, возможно, еще сократятся, актуальность этой задачи только возрастет.

Еще одна важная стратегическая задача — пенсионная система. Эта проблема есть везде, где существует государственная пенсионная система, и заключается она в том, что пенсионная система формировалась для молодых обществ, где лишь сравнительно небольшая часть населения доживала до преклонных лет. Поэтому в США, например, когда создавалась пенсионная система, размер страховых начислений составлял 2% от зарплаты. И этого вполне хватало.

Но в современном мире радикально изменилась демография. В результате, по всем прогнозам, в России доля населения в пенсионном возрасте на протяжении следующих 20 лет будет существенно возрастать. Это значит, что надо либо повышать налоги на работающее население (что может легко привести к масштабным отклонениям от уплаты налогов), либо искать другие пути. Если ничего не делать, то можно прогнозировать двукратное сокращение коэффициента замещения.

В этой связи проблема устойчивости пенсионной системы является стратегически важнейшей для нашей страны.